

ИДЕТ ОБЛАСТНОЙ СМОТР
ТЕАТРАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ

ЗА СИНЕЙ ПТИЦЕЙ

СОВРЕМЕННЫЙ театр называют театром режиссера. Говорят: ходили к Любимову, были у Товстоногова, видели Ровенских. Режиссер нашел, сумел, разработал — нишут, если спектакль получился, и то же самое нишут, прибавив отрицательную частичку «не», если спектакль не получился.

О театральных же художниках и газетных страницах вспоминают крайне редко. В обоих случаях, как правило, в конце рецензий им посвящают несколько строчек: мол, декорации такого-то хорошо дополняют или, наоборот, не дополняют показанное на сцене. И это не только не справедливо, но и по сути самой неверно, художник не придинок режиссера, а полноправный сопостановщик спектакля. Только когда их замыслы совпадают, сливаются воедино, всерьез можно разговаривать о каком-то спектакле.

Театр воспринимается на слух и на глаз, и воздействовать на зрительное восприятие — почти целиком дело художника. Не случайно Эйзенштейн, Довженко, Юткевич начинали как театральные художники, народный же артист СССР Н. П. Акимов до последних дней сам оформлял все свои постановки.

В Волгоградском театре драмы Нина Гапонова дебютировала в прошлом сезоне спектаклем «Скажи мне, тополь». Спектаклем, маловыигрышным для постановщиков, потому что пьеса, поло-

женная в его основу, весьма и весьма далека от совершенства. Но и в этой работе Нина показала, что она из художников, которые создают спектакли, а не раскрашивают их, как раскрашивает ребенок готовые картинки.

...В Подмоскowie на даче живут немножко смешные, но хорошие, добрые и честные люди. Отношения их чисты, помыслы светлы и возвышенны. И художник помещает их в обстановку, сотканную из ажурных, вроде бы воздушных конструкций, решает оформление в зеленых, фиолетовых, очень близких к окружающей этих людей природе красках. А когда действие переносится на соседнюю дачу, которая принадлежит воинствующим мещанам и кургулям Кокотушкиным, среди тех же декораций появляется натуральная, или, как называют ее театроведы, документальная мебель. И на фоне условного, ирреального она смотрится плевком, грязной кляксой на чистой скатерти. Обыкновенный стол, обыкновенные стулья становятся художественными образами.

Некоторое время назад театры в погоне за достоверностью тащили на сцену всеядные стекло и железо, взаправдашние деревья и камни, а если позволяли размеры площадки, зрителю давали возможность вдосталь налюбоваться настоящими станками, а то и чуть ли не целыми железнодорожными вагонами. Достовер-

ность, возможно, и достигалась, но исчезало волшебство театра. Зритель переставал быть участником игры, его воображению не было работы.

Потом, как естественная реакция, наступила другая крайность. Оформление в стиле модерн. Условность,

условность и только условность. А когда ты молод, так просто поддаться течению, так соблазнительно прослыть новатором, низвергателем устаревших традиций. Так заманчиво чем-нибудь экстравагантным и легкодоступным привлечь к себе внимание критиков и публики.

Чтобы устоять против искуса, нужно быть художником с убеждениями, со своим собственным взглядом на дело, которому служишь.

Гапонова пришла в театр в разгар увлечения модерном и не поддалась, устояла. — Не отстать от моды я стараюсь, когда шью себе новое платье, — улыбается Нина. — А искусство...

Задачу театрального художника она видит в том, чтобы идеи, мысли, чувства, которые вкладывает в спектакль режиссер, воплотить линиями и красками в зрительный образ. Чтобы человек, купивший билет в театр, сразу же по открытию занавеса проникся нужным настроением, приготовился смеяться или страдать, грустить или размышлять вместе с героями пьесы. А уж какими средствами это будет достигнуто — старыми, новыми, сверхновыми, — неважно. Средства каждый раз надо искать. Готовых рецептов в искусстве нет. Кому в искусстве все ясно, делать в искусстве нечего.

Шестьдесят лет на сцене Московского художественного театра идет «Синяя птица». Шестьдесят лет ее герои ищут Синюю птицу. Ведь Синяя птица — «тайна вещей и счастья», если «человек найдет Синюю птицу, он будет все знать и видеть».

Думая о работе театрального художника, я вспоминаю Синюю птицу. Театральный художник постоянно ищет свою Синюю птицу. И если находит, отдает ее людям. Потому что в театре очень важно, чтобы зритель «знал и видел» именно то, что ему показывают.

Волгоградский драмтеатр со служебного входа похож на броненосец. Узкие полутемные коридоры, тесные помещения — отсеки, крутые винтовые лестницы. С неприглядными там легко заблудиться. Но, миновав все это, попадаешь в небольшую светлую комнату, расположенную под самой крышей. Там пахнет клеєм, краской, на рабочих столах разбросаны обрезки фольги и картона, рябит разноцветные лоскутки тканей. Там происходит таинство — рождается оформление будущих спектаклей. Там ищет свою Синюю птицу Нина Гапонова.

Эскизы, макеты, афиши. Почти семь лет, как закон-

чен Ленинградский институт театра, музыки и кино. Свыше тридцати спектаклей на разных сценах Союза...

Мастерская художника. Хранилище побед и успехов, неудач и ошибок. Испытательный полигон для того, что завтра увидит зритель.

Последняя работа Гапоновой — спектакль по пьесе болгарского драматурга Стоянова «Мастера». Ах, до чего же гордятся своим искусством эти мастера, до чего счастливы тем, что живут на высокой горе, совсем близко от богов. Но источник, из которого черпает силу настоящее искусство, земля, жизнь — не небо. И на горе разыгрывается трагедия. На нее невозможно взирать с порталов боги. Величественные и равнодушные.

Впрочем, что разыгрывается на сцене, зритель может увидеть сам. Премьера состоялась. Мне же хочется сказать, что в «Мастерах» Нина проявила свое уже совсем зрелое мастерство. Ее оформление лаконично, но убедительно, достоверно, но не этнографично. Несмотря на яркие краски и сохраненную экзотику, оно великолепно передает трагическую атмосферу происходящего.

На областном смотре молодежи творчество Нины представлено и в спектакле «Странная миссис Сэвидж». Уютная, по-домашнему обжитая лечебница для душевнобольных «Тихая обитель» и «ужасный, ужасный» мир нормальных людей сегодняшней Америки. Черный мир с беснующимися огнями реклам, со снающими обрывками картин сюрреалистов. Резкая контрастность, найденная художником, отлично помогает исполнительнице главной роли обосновать нежелание славной миссис Сэвидж вернуться к «нормальным людям».

— В таком сумасшедшем доме и я бы остался, — сказал я в шутку после спектакля Гапоновой.

— Значит, получилось, — ответила Нина серьезно.

Б. РЕЗНИЧЕНКО.